

и государства. Естественно, такое событие как Афганская война не могло не привлечь внимания в качестве аргумента в идеологическом и политическом противоборстве, а потому и в средствах массовой информации был представлен и надолго сохранялся ее почти исключительно негативный образ. Руководство М.С. Горбачева объявило введение войск в Афганистан «политической ошибкой», и в мае 1988-го – феврале 1989 годов был осуществлен их полный вывод. Существенное влияние на отношение к войне оказало неадекватное, но эмоциональное выступление академика А.Д. Сахарова на Первом съезде народных депутатов СССР о том, что будто бы в Афганистане советские летчики расстреливали своих солдат, попавших в окружение, чтобы они не могли сдаться в плен, вызвавшее сначала бурную реакцию зала, а затем резкое неприятие не только самих «афганцев», но и значительной части общества³⁹. Однако именно с этого времени – и особенно после Второго съезда народных депутатов, когда было принято постановление о политической оценке решения о вводе советских войск в Афганистан⁴⁰, – произошло изменение акцентов в средствах массовой информации в освещении Афганской войны: от героизации они перешли не столько к реалистическому анализу, сколько к инверсии оценок и явным перехлестам. Постепенно войну, которая отнюдь не закончилась военным поражением, стали изображать как проигранную. Распространившееся в обществе негативное отношение к самой войне стало переноситься и на ее участников.

Глобальные общественные проблемы, вызванные ходом «перестройки», особенно распад СССР, экономический кризис, смена социальной системы, кровавые междоусобицы на окраинах бывшего Союза, привели к вытеснению на периферию общественного сознания и угасанию интереса к уже закончившейся Афганской войне. Сами воины-«афганцы», вернувшиеся с нее, оказались лишними, ненужными не только властям, но и обществу в целом. Не прошло бесследно и массивное воздействие на сознание населения средств массовой информации, почти исключительно негативно освещавших все, что касалось роли СССР в событиях в Афганистане.

Не случайно восприятие Афганской войны самими ее участниками и теми, кто там не был, оказалось почти противоположным. Так, по данным социологического опроса, проведенного в декабре 1989 года, на который откликнулись около 15 тысяч человек, причем половина из них прошла Афганистан, участие наших военнослужащих в афганских событиях оценили как «интернациональный долг» 35% опрошенных «афганцев» и лишь 10% невоевавших респондентов. В то же время как «дискредитацию этого понятия» их оценили 19% «афганцев» и 30% остальных опрошенных. Еще более показательны крайние оценки этих событий: как «наш позор» их определили лишь 17% «афганцев» и 46% других респондентов. В то же время 17% «афганцев» заявили: «Горжусь этим!», тогда как из прочих аналогичную оценку дали только 6%. И что особенно знаменательно, оценка участия наших войск в Афганской войне как «тяжелого, но вынужденного шага» была дана одинаковым количеством как участников этих событий, так и остальных опрошенных – 19%⁴¹. Доминирующим настроением в обществе было стремление поскорее забыть об этой войне, что явилось одним из проявлений «афганского синдрома» в широком его понимании. Лишь через много лет появились первые попытки более рационально осмыслить причины, ход, итоги и последствия Афганской войны, однако они в основном ограничиваются узким кругом специалистов и пока не становятся достоянием массового общественного сознания.

Что касается формирования представлений в российском обществе об Афганистане, то можно констатировать: они стали более адекватными и более негативными, нежели мифологизированный образ этой азиатской страны до войны и в самом ее начале. Советские люди имели мало сведений об Афганистане, но знали, что на южных границах расположена страна, отсталая, но постепенно развивающаяся и дружественная СССР. Россияне в большинстве своем отдают себе отчет, насколько глубока историческая и социокультурная «пропасть» между европеизированной Россией и фактически средневековым Афганистаном. Опыт «принудительного» контакта значительной части российских граждан с иной страной и иной культурой внес в общество более разносторонние знания о них и твердое убеждение, что нельзя насильно «осчастливливать» другие